

**А. Балабанова**

**Моя жизнь - борьба**

ББК 63.3(0)  
Б20

Охраняется Законом РФ об авторском праве.  
Воспроизведение всей книги или любой ее части  
воспрещается без письменного разрешения издателя.  
Любые попытки нарушения закона  
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления  
художника И.А. Озерова*

**Балабанова А.**  
Б20      Моя жизнь — борьба. Мемуары русской социалист-  
листки. 1897—1938 / Пер. с англ. Л.А. Карповой. —  
М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 335 с.

ISBN 978-5-519-73287-1

Мемуары Анжелики Балабановой, всемирно известной русской социалист-ки, охватывают драматический период в истории Европы конца XIX века и до 30-х годов XX века. Являясь весьма влиятельной фигурой международного рабочего движения, Балабанова была связана со многими известными историче-скими деятелями, в числе которых выделялись Муссолини, Либкнехт, Цеткин, Ленин, Троцкий, Зиновьев. Воспоминания Балабановой проливают свет на ши-рочайшее историческое полотно, малоизвестное и во многом искаженное конь-юнктурной историографией.

ББК 63.3(0)

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф»,  
2007  
© Художественное оформление серии,  
ЗАО «Центрполиграф», 2007

ISBN 978-5-519-73287-1

---

И если в ходе этой великой битвы за освобождение рода человеческого нам суждено пасть, то те, кто сейчас находится в задних рядах, шагнут вперед; и мы падём с сознанием своего выполненного долга и с убеждением, что цель будет достигнута, как бы ни боролись или ни сопротивлялись силы, враждебные гуманизму.  
*Мир наш, несмотря ни на что.*

Август Бебель

## Глава 1

Телеграмма, вызывавшая меня на срочное июльское заседание Исполнительного комитета интернационала в 1914 году, застала меня в отдаленном уголке Тосканы. По дороге в Пизу я вновь и вновь сверялась со своим расписанием. Если не успею пересесть на экспресс в Милане, я не сумею добраться до Брюсселя вовремя, чтобы попасть на заседание. Мне слишком хорошо была известна причина этой срочности, историческое значение этого события. Солидарность миллионов рабочих, которые будут представлены на этой конференции, может стать последним шансом на спасение Европы.

В Пизе я успела на ночной поезд, и, когда он выезжал с вокзала, я поздравила себя с тем, что теперь будет несложно делать необходимые пересадки. Когда проводник пришел проверить у меня билет, я попросила его постучать в дверь моего купе до прибытия поезда в Милан, так как хотела вздремнуть.

— Милан! — воскликнул он в изумлении. — Но, мадам, этот поезд идет в Рим!

У меня сердце упало. Я более десяти лет путешествовала по Италии, даже по самым ее отдаленным уголкам, и никогда раньше не садилась не в тот поезд и не опаздывала на заседание или встречу. А сейчас — самое важное заседание в моей жизни! Поезд был экспрессом и ехал без остановок до самого Рима. Я никак не могла добраться до Брюсселя из Рима до окончания первого заседания. Я объяснила свое затруднительное положение проводнику.

— Я так часто видел вас на вокзале, — сказал он, — и знаю, кто вы. Для партии важно, чтобы вы попали сегодня вечером в Милан?

Я знала, что могу говорить открыто.

— Послушайте, товарищ, началась война. Мы должны остановить ее, если получится, или не дать ей распространиться по всей Европе. Съезд интернационала в августе состоится слишком поздно. Исполнительный комитет должен действовать сейчас. Завтра мы встречаемся в Брюсселе.

— Не беспокойтесь, товарищ. Вы будете в Брюсселе вовремя.

Полчаса спустя, когда мы подъезжали к какой-то станции и поезд замедлил ход, проводник вошел в мое купе и открыл окно. Подняв меня на руки, он через окно опустил меня в протянутые руки станционного служащего, который бежал вдоль платформы. Поезд набрал скорость и исчез во тьме.

— Что вы здесь делаете в такой поздний час, товарищ Балабанова? — спросил начальник станции.

Я объяснила свое положение.

— Сегодня ночью нет пассажирского поезда на Милан, но я позабочусь, чтобы вы добрались туда.

Я приехала в Милан в товарном поезде как раз вовремя, чтобы пересест на экспресс, идущий в Брюссель.

Я уже несколько раз совершала подобные поездки, но эта почему-то напомнила мне мое первое бегство из России в Брюссель шестнадцать лет назад. Та поездка также совпала с крупным переломным моментом в моей жизни, но не в жизни движения, частью которого я стала. Она ознаменовала окончательный разрыв с моей семьей, домом, со всей его роскошью и условностями жизни в нем, которые я так долго ненавидела и против которых я так яростно боролась. Передо мной лежало осуществление всех моих девичьих грез: университет, знания, свобода, возможность придать какой-то смысл моей жизни, хотя я еще и не знала, что означает последнее. Я была уверена, что среди десятков мужчин и женщин, которые ехали со мной в этой непрерывной череде вагонов

третьего класса на протяжении долгого шестидневного пути, не было никого счастливее меня. Мне хотелось рассказать им о том, что происходит в моей жизни, что у меня начинается новая жизнь, что я еду в университет; я хотела, чтобы они разделили со мной мою радость. Я никогда до этого не путешествовала одна, но я чувствовала себя лучше, чем дома, в этом переполненном людьми поезде. Только одно пугало меня, когда мы приближались к Брюсселю. Я никогда не жила в гостинице одна, и, когда в четыре часа утра поезд остановился, сердце мое тоже остановилось. Город казался темным и негостеприимным, многочисленные памятники полководцам, неясно вырисовывавшиеся в темноте, выглядели одновременно и угрожающими и забавными. Пока я ехала в гостиницу, я вернула себе присутствие духа, напомнив себе обо всех других девушках, которым пришлось столкнуться с жизнью, не имея защиты друзей и семьи. Но после того как дверь моего гостиничного номера закрылась за носильщиком, который внес мой багаж, я заглянула под кровать и, трепеща, открыла шкаф для одежды. Я как раз только что прочитала в газетах о мужчине, который спрятался в платяном шкафу и ночью напал на спящую девушку.

За шестнадцать лет, которые пролетели с того первого утра моей новой жизни, я на деле осуществила все те неясные, но неодолимые честолюбивые замыслы, с которыми я в первый раз приехала в Брюссель. Общие фразы, в которые моя неопытность облекла их, — свобода, равенство, право жить своей жизнью, верность гуманизму, борьба с несправедливостью — нашли конкретное выражение. Я знала, что я очень удачливый человек. Страдания и борьба этих переходных лет — в отличие от лет моего детства и юности — имели смысл и достоинство, потому что они были связаны со страданиями и борьбой человечества. Жизнь, прожитая ради великого дела, лишена пустоты жизни отдельного человека.

Теперь я возвращалась в Брюссель в качестве представителя Социалистической партии Италии в Исполнительном комитете Второго интернационала. Конец этой поездки должен был ознаменовать конец некоего периода как в моей личной жизни, так и в жизни движения, которому я посвя-

тила эти шестнадцать лет. Я не знала тогда, когда я подъехала к Брюсселю, чувства безнадежности, поражения, неизбежной катастрофы, которым были отмечены следующие два дня и которое затмило даже великолепную речь Жореса на нашем заключительном заседании. Я не знала, что несколько дней спустя ответом на эту речь станет пуля наемного убийцы в Париже. Не знала я и того, что, подобно тому как убийство Жореса ознаменовало начало международной резни, убийству двух других членов нашего Исполнительного комитета, Розы Люксембург и Хьюго Хааса, суждено было ознаменовать наступление жестоких времен. Это было 28 июля 1914 года.

Всякий раз, когда меня спрашивают, как случилось так, что я отвернулась от своей семьи, от комфорта и роскоши своего дома на юге России и стала революционеркой, я теряюсь в ответе. Мне не приходит на ум никакая определенная дата или факт. Все детские годы, насколько я могу помнить, были годами бунта — бунта против матери, гувернанток, условностей и ограничений моей жизни и против уготованной мне судьбы.

Крепостное право было упразднено в России еще до моего рождения, и мне рассказывали о «великодушии» Александра II, который «освободил крестьян и сделал их счастливыми, тогда как до этого они принадлежали помещикам, подобно животным или товару». Но то, как моя мать обращалась со «свободными» слугами в нашем доме, всегда вызывало во мне возмущение. (Я мало бывала в других домах, и мне не с чем было сравнивать.) Однажды, когда я увидела, как какие-то крестьяне нашего поместья целуют край пальто моего отца по его возвращении из длительной поездки, я съезжилась от стыда.

Мое первое осознание неравенства и несправедливости выросло из этих переживаний в моем раннем детстве. Я видела, что есть те, кто распоряжается, и те, кто подчиняется, и, вероятно, из-за моего собственного бунта против матери, которая руководила моей жизнью и олицетворяла для меня деспотизм, я инстинктивно встала на сторону последних.

Почему, спрашивала я себя, моя мать может вставать, когда захочет, а слуги должны подниматься рано, чтобы выполнять ее приказы? После того как она яростно накидывалась на них за какую-нибудь оплошность, я просила их не терпеть такое обращение, не понимая, что нужда привязывала их к нашему дому так же крепко, как и крестьян к помещикам-феодалам.

Первое свое представление о настоящей бедности и нищете я получила, когда стала достаточно большой, чтобы сопровождать свою мать в ее посещениях богадельни. Здесь в тесноте жили не только бедняки, но и больные люди и сумасшедшие. Мне позволялось раздавать подарки, которые мы привозили с собой, — передники, платья, белье и т. д. — на манер маленькой Леди Щедрость. Обитатели богадельни казались очень обрадованными этими подарками, а некоторые в благодарность целовали мне руку. Однажды моя мать дала мне шелковый шарф, чтобы я вручила его нищенке, которая постучалась в дверь нашего дома. Отведя ее в уединенную часть нашего поместья, где, я была уверена, нас никто не мог бы увидеть, я попросила ее пообещать мне сделать то, о чем я попрошу. Получив ее обещание, я отдала ей шарф, а после того, как она взяла его, я встала на колени и поцеловала ее руку. Таким образом, мне казалось, я установила равновесие между теми, кто имеет возможность давать, и теми, кто вынужден брать.

Мой отец умер, когда я была еще совсем маленькой, и я мало его помню. Он был помещиком и деловым человеком, очень поглощенным своими делами. Он не вмешивался в воспитание своих детей, за исключением тех случаев, когда мать, гораздо более энергичная, чем он, взывала к его непрекращаемому авторитету. Конфликты, которые у меня когда-либо происходили с ним, были спровоцированы матерью.

Моя мать родила шестнадцать детей, семеро из которых умерли. Я была самой младшей, и мои старшие сестры уже были замужем, когда я родилась. Это отчасти объясняет то, как меня воспитывали — ведь на самом деле у меня не было товарищей для игр, мне не разрешалось ходить в школу или играть со своими братьями, которые общались с другими

детьми. По русскому выражению и в глазах своей матери я должна была стать «венцом семьи». Мое воспитание было таким, чтобы я соответствовала своему предназначению — браку с богатым человеком, праздной жизни, для которой традиционное воспитание и соблюдение общественных приличий были необходимой подготовкой. Хорошие манеры, языки, музыка, танцы и умение вышивать — вот что требовалось от русской светской женщины. В школе я могла бы научиться чему-нибудь дурному от «обычных» детей. Решением этой проблемы была чередка гувернанток и лишение меня товарищей для игр.

Мое возмущение матерью усиливала ее манера, в которой находили выражение ее планы относительно меня, и ее склад ума в простейших эпизодах. «Кто тебя возьмет замуж, если ты не пьешь молоко или рыбий жир? — имела обыкновенные спрашивать она. — Где вы видели девочку из хорошей семьи, которая не играет на фортепиано?» А вот это бесило меня больше всего: «Что о тебе подумают люди?»

Несмотря на ее тиранический и жесткий нрав, моя мать посвятила себя своим детям и постоянно жертвовала собой ради них. Если она особое внимание уделяла мне, то это, вероятно, было благодаря какому-то ее неуловимому чутью, подсказывавшему ей, что, несмотря на все ее усилия, я не пойду по проторенной дорожке других ее детей, что она теряет меня, как только я стану достаточно взрослой, чтобы жить своей собственной жизнью, и поэтому ей нужно дать мне больше физических сил и стойкости, чем другим. Разумеется, она никогда не признавала эти мотивы, даже если и знала о них. Она часто заявляла, что я худшая из всех ее детей, что она будет счастлива отделаться от меня; однако в мое отсутствие она говорила совсем обратное. Она была особенно строга со мной в присутствии других людей, и, хотя от этого мое возмущение становилось еще глубже, я вскоре стала понимать ее характер, в результате чего она потеряла всякое влияние на меня.

В то время мы жили на окраине Чернигова, расположенного неподалеку от Киева. Дом, имевший двадцать две комнаты, был окружен красивым парком и фруктовым садом.



И хотя сейчас я чувствую себя как дома в любой стране, я не могу думать о том, что меня окружало в детские годы, без ностальгии. Дом, сад, деревья, тихий городок, красивая река, протекающая через него, — последний раз я видела все это сорок лет назад. Но даже сейчас я помню каждый уголок сада, деревья, которым я доверяла сомнения и горести своих детских лет, кусты, которые кололи мне пальцы, когда я собирала ежевику, и от нее у меня были запачканы платья, к негодованию моей матери и гувернанток. Шестнадцать лет назад, когда я была членом правительства Украины, я собиралась вернуться в свой родной город, чтобы увидеть все это еще раз. Я действительно села на пароход, который должен был доставить меня туда из Киева и которому в мою честь дали новое имя «Интернационал». Тогда я обнаружила, что не могу увидеть места моей юности и распрощаться с ними во второй раз. Слишком многое случилось со мной с тех пор, как я уехала из дома, и пропасть, отделявшая меня от детства, стала слишком глубока. Я сошла с корабля, и поездка не состоялась.

Возможно, признание общественной отсталости России — даже несмотря на то, что аристократия и богатая буржуазия защищали обстоятельства, способствовавшие этому, — обратило интересы их представителей к западным «культурам», прежде чем они исследовали свою собственную. Причина в этом, а еще в желании быть как можно больше непохожими на «простых» русских.

В нашей семье говорили в основном на иностранных языках. Свой родной язык мне пришлось учить тайком по книгам, спрятанным от матери и гувернанток. Все эти гувернантки были иностранками, и сейчас я едва ли вспомню их имена или сколько их было. Ни у одной из них не было серьезного образования или каких-либо настоящих интеллектуальных интересов. Их наняли обучать меня языкам и давать поверхностные знания. Ни одна из них не могла ответить на вопросы, которые постоянно озадачивали меня или возбуждали во мне более чем просто формальный интерес к моей учебе.

Они получали распоряжения от моей матери, по воле которой они занимали свое место, и если кто-то из них и догадывался о том, как сильно я хотела понимания и любви и нуждалась в них, то ни одна не показывала виду. Хотя я никогда не была в хороших отношениях со своей матерью, я предпочитала ее общество их обществу, потому что у нее был острый ум, который привлекал меня, и я чувствовала, что ее суровость больше показная, чем настоящая. Я даже предпочитала эту суровость холодному и безличному отношению ко мне моих гувернанток.

Спустя годы, после русской революции, мне довелось вновь встретиться с одной из этих гувернанток в Германии. В Италии набирал силу фашизм, и я была приглашена выступить на эту тему на митинге в Лейпциге. В то время Лейпциг был самым «красным» городом в республиканской Германии, штабом негнбаемых марксистов. Именно здесь я познакомилась с учением Маркса, здесь Роза Люксембург опубликовала свои самые выдающиеся статьи до того, как ее убили в 1919 году. Мне был оказан прием в огромной гостинице, принадлежавшей рабочим. Я ненадолго удалилась в свою комнату, чтобы сосредоточиться на своей речи, когда в нее вошла какая-то женщина с охапкой красных гвоздик. Она была бедно одета, с непокрытой головой. Я не узнала ее, и она назвала себя. Это была моя последняя гувернантка.

Митинг проводился в самом большом помещении в городе, и на него пришло более десяти тысяч человек. Несколько раз на протяжении своей речи я встречала взгляд своей бывшей гувернантки. Ее глаза выражали понимание и воодушевление. После митинга она подошла ко мне и взяла меня за руку.

— Я так горжусь вами, Анжелика, — сказала она и добавила, что является членом партии и всегда сочувствовала рабочему движению.

— Тогда почему же вы не помогали мне, когда я была ребенком? — спросила я.

Она ответила, что не осмеливалась поощрять мои бунтарские настроения из-за моих родителей и своей материальной зависимости от них. Но я не могла не засомневаться в ее